Дискуссионный клуб «Актуальные вопросы науки, инноваций и образования»

Научный семинар. Обсуждение доклада А. А. Ростовцева

«ДИССЕРНЕТ. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ»

20 октября 2014 года в РИЭПП состоялся научный семинар с обсуждением доклада Ростовцева А. А. «Диссернет. Экспериментальная социология».

В обсуждении приняли участие:

Биткина Инна Владимировна – кандидат экономических наук, зав. сектором проблем науки и инноваций в условиях глобализации РИЭПП;

Борисов Всеволод Васильевич – кандидат физико-математических наук, зав. отделом проблем глобализации и международного сотрудничества в сфере науки и инноваций РИЭПП;

Грибовский Андрей Владимирович – кандидат экономических наук, зав. сектором административно-правового регулирования сферы науки и инноваций РИЭПП;

Гришакина Екатерина Георгиевна – кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора ресурсов науки РИЭПП;

Егерев Сергей Викторович – доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник РИЭПП;

Золотарев Дмитрий Васильевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономических проблем развития научно-технологической сферы РИЭПП;

Изосимов Владимир Юрьевич – первый зам. директора РИЭПП;

Ильина Ирина Евгеньевна – доктор экономических наук, доцент, зав. отделом правовых проблем сферы науки и инноваций РИЭПП;

Нетребин Юрий Юрьевич – кандидат экономических наук, зав. сектором проблем инновационной деятельности в системе высшего образования РИЭПП;

Осадчук Евгений Валентинович – кандидат экономических наук, зав. отделом проблем развития информационной среды и инфраструктуры науки РИЭПП;

Островидова Елена Юрьевна – зам. директора РИЭПП;

Ростовцев Андрей Африканович – доктор физико-математических наук, профессор;

Семёнов Евгений Васильевич – доктор философских наук, профессор, академик НАН Украины, директор РИЭПП;

Соколов Денис Сергеевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора приоритетных направлений развития науки и технологий РИЭПП;

Ушакова Светлана Евгеньевна – кандидат экономических наук, зав. сектором правовых проблем модернизации сферы науки и инноваций РИЭПП;

Чеченкина Татьяна Валерьевна – старший научный сотрудник сектора приоритетных направлений развития науки и технологий РИЭПП;

Юревич Андрей Владиславович – член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, зам. директора Института психологии РАН;

Юревич Максим Андреевич – научный сотрудник сектора наукометрии и статистики науки РИЭПП.

Семёнов Е. В.: Уважаемые коллеги! Мы решили в формате семинара заслушать и обсудить доклад Ростовцева Андрея Африкановича, который любезно согласился, несмотря на свою занятость, на наше предложение. Он – один из основателей «Диссернета». Тему доклада и цели, которые он ставит в этом докладе, он сформулирует сам. Но перед этим я хочу сказать пару фраз. Те институты, в смысле институции, или часть из них, которые сформировались в структуре СССР, в структуре, где были Госплан, Госснаб и т. д., а именно такие институции как РАН, система государственной аттестации научных кадров, достались постсоветской России в наследство в неизменном виде и как-то прозябали, что-то с ними происходило, но они не преобразовывались, а поверхностно приспосабливались к этим новым условиям. В прошлом году они сдвинулись. Что из этого получится, заранее сказать трудно. Насколько хорошо и качественно, адекватно современным условиям будут проведены изменения?

Но эти изменения назрели. По крайней мере в части аттестации научных кадров, они точно назрели. И сообщество «Диссернет», насколько я понимаю, это сообщество, а не организация, – это род института гражданского общества, движение в самой научной среде. С моей точки зрения блогеры излишне увлеклись травлей, что всегда бывает менее конструктивно. Но в этом движении участвуют и очень серьезные люди. Один из них представлен у нас сегодня докладчиком. Они думают о природе фальшивых диссертаций, о причинах этого явления, о формах, о том, как на самом деле это может быть изжито, а не отдельными какими-то случаями, может быть и яркими, шумными, скандальными, но в действительности не устраняющими это зло. Итак, Андрей Африканович, Вам слово.

Ростовцев А. А.[1]**:** Для меня большая честь выступить здесь с докладом. Рассказать о том, чем занимается «Диссернет». Изложить наш анализ ситуации, которая сейчас сложилась. И очень важно для меня

[1] Доклад сопровождается демонстрацией слайдов.

ваше мнение, любые комментарии, мысли, замечания, поскольку вы – профессионалы на этом поле. Я действительно рассчитываю на вас и ваши комментарии и замечания. Я не знаю, какой у вас регламент, но, если будут какие-то вопросы по ходу дела, будет здорово, если вы будете их задавать. Материала очень много. Я отобрал конкретные вопросы более связанные с тематикой [вашего] института. Возможно, это будет представлено немножко сумбурно, потому что это выжимки из общего объема, и, если где-то, что-то будет непонятно и не стыковаться, то спрашивайте.

Итак, «Диссернет. Экспериментальная социология». Я намеренно поместил на первую страницу фотографии с недавней авиакатастрофы, которая произошла в аэропорту Внуково. Авиакатастрофой начал заниматься Межгосударственный авиационный комитет и довольно быстро составил отчет. Самолет возвращался из заграничного рейса, из Европы. Второй пилот ничего не понимал по-английски, и все время переспрашивал командира воздушного судна, чем серьезно нарушал слаженность работы и в конце полета вызвал явное раздражение КВС. Это было видно по записям. У 2-го пилота был диплом Ульяновского высшего авиационного училища о прохождении курсов английского языка. Сдано все на «отлично». И естественно МАК запросил Ульяновское авиационное училище о записи на видеопленку сдачи им экзамена. Ответ пришел простой: такой у нас не учился, и диплом его фальшивый. Собственно говоря, об этом и «Диссернет».

Общеизвестно, что сообщество «Диссернет» борется с плагиатом. Здесь я хотел обратить ваше внимание на систему координат сообщества «Диссернет». Мы говорим сейчас о научных диссертациях. Здесь, на диаграмме, представлен весь спектр диссертаций. Зеленая, радостная часть – это хорошие научные работы. Есть пограничная часть, бóльшая часть – откровенно слабые работы, на уровне школьных рефератов. Есть *опасная* часть: работы, содержащие плагиат. Плагиат в том смысле, что, когда человек делал свою научную работу, то использовал для целей этой научной работы чужие мысли, чужие тексты. Таково действительно изначальное определение понятия плагиат. Есть совсем *черная* область. И эта область, по большому счету, как раз и является тем, чем занимается сообщество «Диссернет». Авторы этих научных трудов – это те, кто не только не писали свои научные работы, не только их не читали, они их даже не видели, в основном. Это – книжки набитые буквами из разных источников. Иногда даже не когерентно. Но бывает и когерентно, на одну тему. Это не более чем подоснова получения диплома. Никакого разговора о научной работе там нет. Просто фальсификация научных знаний.

Совсем свежий пример, когда у одного из кандидатов в депутаты номер диплома о присуждении ученой степени оказался в реестре сворованных серий и номеров дипломов. В отличие от технических случаев с самолетом последствия такой фальсификации более долговременные и более болезненные для общества. Возможно, на этом примере не так явно видна связь между причиной и следствием, но очевидно, что связь

эта существует. На этих двух примерах я обозначил первую проблему, с которой мы сталкиваемся. Это проблема *институции научной аттестации*. Здесь дела обстоят очень плохо. Система научной аттестации практически разрушена в России. В докладе я постараюсь это показать. Вторая институция, вторая проблема, с которой мы сталкиваемся, это *институт репутаций*, который тоже разрушен в России, по большому счету.

Изучение диссертаций это такая призма, через которую можно посмотреть на источник сигналов, характеризующих репутацию. Систему репутаций можно представить в обществе, как систему сигналов. Мы живем и постоянно получаем сигналы. Например, ученая степень на визитной карточке – это сигнал. И чтобы понять качество источника сигнала достаточно изучить диссертацию, это просто удобный способ исследования качества источника сигнала. Например, мы идем к врачу и сдаем анализ крови. Никого не интересует Ваша кровь, но по ней можно исследовать: какие у Вас болезни. Собственно говоря, нас не интересует сама по себе диссертация. Нас интересует ее автор, репутация это человека. Иллюстрация тому – совершенно простая, житейская. Вы приходите в клинику и видите ценник: консультация специалиста стоит 650 руб. (данные ВЦИОМа), консультация кандидата медицинских наук – 1 250 руб., консультация профессора д.м.н. – 2 000 руб. Вы получаете этот сигнал. Вы его воспринимаете не искаженно. Вы верите, если Вы отдадите 2 000 руб., то получите лучшую консультацию, что на самом деле не очевидно. Сообщество «Диссернет» помогает разобраться: ложный этот сигнал или нет. Журналист Сергей Пахоменко, один из основателей сообщества «Диссернет», выразил это простыми словами. «Если перед Вами персонаж, о котором Вы уже знаете, что он лжец, лицемер, ловчила, то, что раньше называлось захребетник, откуда же ему взять честную диссертацию. И наоборот, если он чужую работу украл, ради того, чтобы украсить титулом вывеску на служебном кабинете, то с чего бы Вам за дверью кабинета надеяться встретить честного работягу». В этом состоит суть второй проблемы – проблемы репутаций.

История Диссергейта последних лет в Европе берет свое начало с обнаружения плагиата в диссертации немецкого политика и федерального министра обороны Карла-Теодора Мария Николауса Иоганна Якоба Филиппа Франца Йозефа Сильвестра, барона фон унд цу Гуттенберга. В феврале 2011 года научное сообщество и пользователи сети интернет выявили в диссертации министра обороны ряд некорректных заимствований, что уже в марте того же года привело к его отставке в правительстве и полному завершению его политической карьеры. Одновременно Байрёйтский университет, в котором в 2007 году цу Гуттенбергу была присуждена ученая степень доктора юриспруденции, лишил его диплома доктора наук. После этого в Германии плагиат был обнаружен также в диссертациях целого ряда политиков, включая федерального министра образования и научных исследований Аннету Шаван. В диссертации доктора философии (1980) А. Шаван были обнаружены почти

сто случаев перефразирования чужих работ без каких-либо ссылок на их авторов. Примечательно, что один из наиболее ранних источников текста был датирован 1948 годом. Публикация этого разоблачения, как и во многих других аналогичных случаях, привела к лишению ученой степени, отставке и завершению карьеры политика. Уже в 2012 году сотни немецких пользователей сети интернет объединились в интернет сообщество VroniPlag, поставившее своей целью разоблачение недобросовестных «политиков-ученых». Надо сказать, что диссертационные скандалы в Европе не ограничиваются только Германией. Так, университет Земмельвайса в Будапеште принял решение лишить ученой степени президента Венгрии Пала Шмита, в диссертации (защита прошла в 1982 году) которого был обнаружен плагиат.

Российский Диссергейт берет свое начало с кандидатской диссертации по истории, как оказалось, в автореферате которой были указаны не существующие в природе публикации диссертанта. В этом, как потом оказалось, и состоит принципиальное отличие западных участников Диссергейта от российских. Если на Западе характерным нарушением академической этики является *плагиат* в его изначальном смысле, то для российских липовых ученых характерен банальный *подлог*. При этом российский подлог не ограничивается только фальсификацией используемых в научной работе данных или публикаций автора работы, часто такие диссертации представляют собой сплошные многостраничные компиляции текстов, сделанные методом «копипейст», без изменения орфографии, рисунков, таблиц и библиографических ссылок. Такое незатейливое строение заимствований в российских диссертациях позволило сообществу «Диссернет» (российский аналог VroniPlag) на порядок увеличить скорость проверки диссертационных работ относительно своих германских коллег. Так, на данный момент в базе данных липовых диссертаций проекта VroniPlag содержится 130 законченных экспертиз, а в «Диссернет» – 2 398.

Вот типичный пример. Так выглядит экспертиза «Диссернета». Это такая табличка. Каждый квадратик таблички соответствует своей страничке в диссертации. Если квадратик закрашен, то на страничке нашлись некорректные заимствования. Кликаем на квадратик мышкой – раскрывается слева соответствующая страница диссертации, а то, что на этой странице заимствовано – закрашено цветом. Справа – источник текста. Если полностью закрашен квадратик, то текст на странице заимствован полностью, если страница частично закрашена, то заимствование частичное. На слайде конкретный пример, когда была заимствована целая диссертация, только заменена обложка.

Следующий пример. Диссертация, которая полностью взята из другой диссертации. Просто изменен титульный лист, изменено название диссертации, исполнитель. А буковки и их последовательность остаются теми же самыми вместе с рисунками, фотографиями и всем прочим. Здесь возникает *системный* вопрос. Как так получилось, что богатый чиновник купил самую дешевую работу? Это говорит о том, что человек не разбирается в людях, которым он должен доверять. Если завтра ему

принесут проект моста через реку, он ровно также не сможет разобраться в этом проекте. Он не только не сможет разобраться в проекте, он не сможет разобраться в тех людях, которые будут оценивать этот проект. Мы говорим о том, что такого типа люди не могут руководить большим регионом, например. Потому, что это просто опасно в социальном плане.

Другой пример, когда превращают диссертацию по кондитерскому производству в диссертацию по мясомолочному производству. Сделать это очень просто. Надо взять исходную диссертацию, затем в Word методом контекстной замены заменил «черный шоколад» на «отечественную говядину», «белый шоколад» на «импортную говядину», «шоколад с орешками» на «говядину на кости». Все остальное: таблицы, статистические данные, все осталось как есть. Это не единственный пример, такое встречается часто.

Еще случай, когда научный руководитель перепродает один и тот же текст как минимум 8 раз. Такое в «Диссернете» мы называем *гнездом*. К гнездам мы еще вернемся.

Если на начальном этапе развития сообщества «Диссернет» мы интересовались отдельными персонажами, то с течением времени наши инструменты усовершенствовались. Статистика липовых диссертаций сейчас исчисляется тысячами. И мы можем смотреть на отдельные социальные срезы нашего общества, на то, как в нем представлены желающие сфальсифицировать свою ученую степень. Почему это важно? Опять возвращаюсь к вопросу репутации. Мы считаем, что человек, который сфальсифицировал ученую степень, это человек, который характеризуется тем, что он легко пойдет на другой подлог в зависимости от обстоятельств. Он пойдет на подлог легче, чем средний статистический индивидуум в социуме.

Есть такая категория диссертаций, как *фантомные диссертации*, которых нигде нет. Их нет в природе. И реально мы не знаем, защищался ли человек или не защищался? Типичный сейчас путь в ректоры, особенно в регионах это сейчас практикуется, когда человек уходит из политики, то он готовит себе теплое ректорское место в университете. Почему теплое? Потому, что ректоры реально сами себе назначают зарплату. Последние данные о доходе ректоров выявили зарплаты по 40 млн руб. в год, а зарплаты некоторых ректоров просто засекречены. Ректорский и проректорский корпус живет неплохо. Или московский чиновник большого масштаба, который долго ждет своего места, и если освобождается место ректора в Москве или Подмосковье, то он туда переходит. Но, чтобы быть ректором, надо иметь ученую степень. Они быстро ее себе делают. Нарушений академической этики среди ректоров государственных университетов очень много. Про негосударственные я вообще не говорю.

Немного статистики. Среди дисциплин, по которым у нас есть данные по липовым диссертациям, лидируют экономические науки. Затем идет право. К сожалению, медицина. Сотни диссертаций в каждом столбике. Также педагогика и технические науки. В самом низу, где почти не встречается массовых фальсификаций, естественные науки.

На этом слайде представлены те места, где делаются такие липовые диссертации, где они производятся в массовом количестве. Здесь видно название вуза, и где географически он расположен. Надо сказать, что «Диссернет» специально не занимается Кавказом.

Как работает конвейер производства фальшивых диссертационных работ на примере одного из региональных университетов. Изначально, когда этот конвейер только образуется, он обладает небольшим объемом текстов. Эти тексты передаются следующему поколению, которое защищается на следующий год. Добавляются новые куски текстов, они передаются следующему поколению и т. д. На приведенном слайде примере эта контора начала работать в 2003 году. Каждый узел графа – это липовая диссертация какого-то конкретного ученого. Розовая стрелка, соединяющая два соседних узла, это передача текста из диссертации в диссертацию. Черная – это руководство и дальше оппонирование. На следующий год сеть увеличивается и дальше: 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012. Выстраивается плотная компактная сеть. Это на нашем человеческом языке называется *научная школа*. На следующем слайде представлены две московские «научные школы» по экономике. Надо сказать, что внутри своей «научной школы» ее участники сохраняют корпус своих текстов. Они пользуются ими внутри своего кластера и редко передают свои тексты в другие кластеры, а также редко заимствуют из других «школ». Здесь представлен конкретный случай, когда сосуществуют два больших компактных кластера, и между ними есть маленькая связка, которая говорит о том, что, все-таки, в каком-то редком случае эти две школы перекрываются.

Немного расскажу о том, что же происходит, когда человека уличили в том, что он нарушил академическую этику, сфальсифицировал свою ученую степень.

Германия, проект VroniPlag. Я говорил, что на сегодняшний день у них больше ста разоблаченных ученых. Процесс разоблачения не очень быстрый. Он часто заканчивается судом, если университету не удается договориться с человеком, чтобы тот сам отказался от своей степени. В самом низу таблицы разоблачений VroniPlag показаны первые 8 случаев, которые были разоблачены в начале существования проекта, то есть, с момента их разоблачения прошло достаточно много времени. В третьем столбике обозначены специальности, по которым проходила защита этих восьми диссертаций: по юриспруденции, по философии и др. Они все перечеркнуты. Это значит, что авторы этих первых восьми диссертаций все без исключения были лишены ученых степеней. У нас ничего подобного не происходит. У нас есть только один случай, когда человек отказался от своей ученой степени.

Часто говорят, что у нас существует *рынок* липовых диссертаций. Я говорю, что у нас – *институт* липовых репутаций или липовых диссертаций. Недавно были внесены изменения в Закон «О диссертациях», и там есть положение о 3-х летнем сроке давности, фактически предоставляющее амнистию фальсификаторам, т. е. диссертации, которые не успели проверить за три года, сами собой выздоравливают.

Уже на законодательном уровне не возникнет вопрос: фальшивые они или не фальшивые? Человека нельзя лишить степени: он – ученый, хотя у него нет ни одной своей буквы, ни одной своей мысли в его диссертации. И этот срок давности представляет собой гигантское препятствие на пути оздоровления ситуации, как в институте научной аттестации, так и в институте репутаций России. Ни в одной стране ничего подобного нет. Если Вас гаишник остановил, и обнаружил у вас фальшивые права, Вы скажите, что ездите с этими правами уже три года. И если такой закон был бы и для гаишников, то Вы бы дальше поехали без какого-либо наказания. Или, например, вы украли картину в музее. Когда это через 40 лет выяснится, то картину заберут. Правоведы говорят, что вопрос срока давности – это вопрос о наказании. Вас в тюрьму не посадят, но картину отберут. То же самое и здесь.

К сожалению, должен сказать, что диссертации – это маленькая вершина айсберга. Представьте, человек защищает фальсифицированную диссертацию: он должен представить несколько статей в журналах. А если диссертация состоит полностью из чужих текстов, ну какие он может представить статьи, какие монографии? Абсолютно такие же! У нас ужас, что творится в научных публикациях! То же самое в монографиях, в учебниках! Сообщество «Диссернет» этими вопросами специально не занимается, а в те моменты, когда приходилось этим заняться, то мы приходили в «восторг». В частности, учебник, который состоит из четырех частей, каждая из которых заимствована из других учебников. Ясно, что на основе этой монографии будет защищена диссертация в недалеком будущем. Но что интересно: сами источники этой монографии – как матрешка. Мы проследили до 2002 года – монография переписывалась и переиздавалась несколько раз, авторы ее, естественно, разные, из разных мест. Тексты переходят из одной в другую.

И это типично. Сначала мы надеялись на такое положение в законодательстве, как авторское право. Автор, у кого списали, может подать в суд. Авторское право у нас защищено и не имеет такого короткого срока давности, как диссертация или ученая степень. Но сколько бы мы ни старались, в суд никто не подает. С одной стороны не хотят связываться, даже несмотря на предоставление с нашей стороны бесплатной юридической услуги. А с другой стороны авторы источников текста в большинстве своем не уверены, что сами не списали. Эта *матрешечность* в публикациях ждет своего исследователя.

Недавно мы провели исследование с представителями Scopus (библиометрическая база данных). Здесь по горизонтальной линии отложено (логарифмический масштаб, заметьте) число «клиентов» «Диссернета» на тот момент. А по вертикали – доля публикаций в мире (по данным Scopus по этой тематике). Видна определенная зависимость. Видно, что в какой-то конкретной научной области, чем меньше процент фальсификаций, тем выше доля публикаций в признанных мировых журналах. Видно, что физики, математики, химики – это 4 % всех мировых публикаций. Для России это очень высокий процент! А в экономике этот процент в десять раз ниже. И это несмотря на то, что армия ученых-

экономистов гигантская. У нас тысячи экономистов, а их вклад в мировую науку минимален! И это тоже социологический эффект.

Еще несколько слайдов, которые показывают, как обстоят дела в других странах. В частности на Украине. Там проблема с диссертациями ужасная. Оттуда приезжала делегация для обучения, как ловить жуликов от науки. Как поступали на Украине? Брали диссертацию на русском языке, отдавали ее секретарше, которая переводила текст на украинский язык, и успешно защищали ее. Этим занимается, конечно, не только секретарша. Большое количество контор, фирм по консультационным услугам в кавычках, по защите диссертаций. И вот разгар войны на востоке. Июль 2014 года. Письмо замминистра образования и науки Украины в правоохранительные органы страны с просьбой обратить внимание на фирмы, занимающиеся заказными диссертациями. Письмо составлено очень грамотно, его приятно читать. В этом письме-обращении подведена юридическая основа, почему существование подобных контор вредно государству, почему это вредит научной аттестации, разрушает репутацию.

Одна из целей работы сообщества «Диссернет» – это разбудить экспертное сообщество в России. «Диссернет» не может проверять все диссертации. А экспертное сообщество должно это делать. Оно пока еще в сонном состоянии, но такие письма уже радуют. У нас есть замечательный сайт, где есть подробности, очень много подробностей. Приглашаю вас его посетить. Спасибо вам огромное.

Семёнов Е. В.: Уважаемые коллеги, будем действовать по нашей традиции. Сначала вопросы. Не выступления, а именно вопросы.

Егерев С. В.: Спасибо за хороший доклад. Многое, связанное с деятельностью «Диссернета», стало более ясным. У меня – вопрос. Вы привели столбиковую диаграмму распределения диссертаций с наличием плагиата по научным дисциплинам. Чтобы эта диаграмма стала информативной, она должна быть дополнена позицией, в которой было бы отражено, сколько диссертаций просмотрено по той или иной дисциплине. У Вас приведено, что «Диссернетом» обнаружены 4 «нечестных» диссертации по физико-математическим наукам и 765 «нечестных» диссертаций по экономике. Вот и непонятно: Вы взяли всего 4 диссертации по физико-математическим наукам, и все 4 оказались краденными? Или Вы брали, например, по 1 000 работ в каждой дисциплине, и тогда появляется возможность судить, благодаря данной диаграмме, о «коррупционной емкости» той или иной дисциплины. Прокомментируйте, пожалуйста.

Ростовцев А. А.: Справедливая критика. У нас сетевой механизм зачистки поля диссертации. Как он устроен? Мы выбираем диссертации более или менее случайно. Из физики и математики тоже случайно. И если выбор падает на *гнездо*, то область поиска-находок быстро разрастается. Мы цепляем сразу много фальшивых диссертаций, как при логарифмическом поиске. Этого не происходит в физике и математике. Среди контингента, который мы проверили, были все членкоры Российской Академии наук. Там очень много физиков и математиков, особенно молодых. Я рад сообщить, что это образец чистоты. Не зацепили ни одного. Таков реперный уровень.

Ушакова С. Е.: А химические науки Вы исследовали?

Ростовцев А. А.: Да, исследовали. Там, как в физике, и математике буквально одна или две подозрительных диссертации, которые нам удалось обнаружить.

Осадчук Е. В.: Уважаемый Андрей Африканович, благодарю Вас за интереснейший доклад. У меня возник вопрос о том, почему описанная вами ситуация стала вообще возможной? Какая основа у этой печально действительности? Почему в Германии чиновник, уличенный в плагиате, тут же теряет свой пост, должность, уважение в обществе, а у нас в России, судя по вашему докладу, такие чиновники спокойно продолжают работать и даже идут на повышение? Ведь люди с такой моралью вряд ли будут честно выполнять свои должностные государственные обязанности. Почему в Германии один исход, а у нас в России – совершенно иной? Это что – наши национальные особенности, особый путь? Или это временные, я надеюсь, последствия двадцатилетнего периода разложения моральных устоев, потери нравственных ориентиров? В чем же суть сложившегося на сегодняшний день порядка, точнее беспорядка вещей?

Ростовцев А. А.: Как я отвечу на этот вопрос? На этот вопрос мы отвечаем совместно с Левада-центром. Это вопрос морали в обществе. И в частности директор Центра Л. Д. Гудков написал замечательную работу, которая практически отвечает на этот вопрос – почему мы так живем? Ответ простой: силовое государство. Мы живем в некотором таком концлагере облегченного режима. В отсутствии демократических институтов пространство морали сужается, а вместе с нею исчезает и рациональное мышление, растворяется здравый смысл.

Осадчук Е. В.: В советские времена тоже отсутствовали демократические институты в западном понимании, мы жили во враждебном капиталистическом окружении в условиях жесткой командно-административной системы, но такой ситуации, можно даже сказать жестче, такого бардака с диссертациями, ВАКом не было. Или я не прав?

Ростовцев А. А.: Но не было и жесткой вертикали. Система была, но жесткой вертикали не было. Система чем отличается от вертикали? Вертикаль – не важно, что ты делаешь, не важно даже, что ты скажешь. Важно то, как на тебя поглядит твой по вертикали начальник. Нет гражданских институтов. Нет независимых судов. Хотя известно, что фальшивые диссертации и тогда писались. Академия писала диссертации для членов обкомов и райкомов партии. Но в массовом количестве это не допускалось.

Биткина И. В.: Спасибо большое за доклад. Как на Ваш взгляд, кто-то, кроме обладателя диплома о присуждении ученой степени, должен нести ответственность за «нечестную» диссертацию?

Ростовцев А. А.: Спасибо за вопрос. Наша позиция состоит в том, что вина в основном лежит на тех, кто обеспечил фальсификацию *защиты* диссертации. Обычно в этот процесс вовлечено сразу несколько «ученых» и администраторов.

Юревич А. В.: Вы сказали, что членкоры не фальсифицируют.

Ростовцев А. А.: У нас есть некоторое ограничение. Связано оно с тем, что граница видимости у нас проходит где-то в 2000–2001 годах. До этого времени существует очень мало оцифрованных текстов. Мы не можем работать с библиотекой Ленина, читая каждую книжку. *Мы работаем с тем, что оцифровано*. Диссертации до 2000 года находятся за границей нашей видимости. В основном у тех, кто избран действительным членом Академии, довольно старые диссертации. Поэтому я и говорил о членкорах. У членкоров есть свеженькие диссертации, защита которых прошла после 2000 года.

Юревич М. А.: Скажите, пожалуйста, проверяли ли Вы изменение статистики заимствований в диссертациях после введения правил размещения диссертации в открытом доступе в сети Интернет за несколько месяцев до защиты? И как Вы относитесь к экспериментальному проекту присуждения ученых степеней без текста диссертации в ведущих вузах России?

Ростовцев А. А.: Спасибо. В сообществе «Диссернет» существует неоднозначное отношение к идее проверки свежих диссертаций. Мое мнение такое, этим должно заниматься экспертное сообщество. Занимаясь этим сами, мы ввязываемся в неравную борьбу с жуликами. Мы проверяли и нашли немало сомнительных диссертаций. Например, сегодня уходит письмо в диссертационный совет, который принял к защите диссертацию, которая через месяц должна защищаться – там бóльшая часть сфальсифицирована. Что происходит? Они просто подменяют текст диссертации. Они видят наш отчет и переставляют слова, чтобы технически проверить было сложно. А когда диссертация уже лежит в библиотеке, уже зафиксирована, это для нас важно. Без этого мы не можем работать. Когда время зафиксировано, то мы можем говорить: «смотрите, вот такой пример!».

На второй вопрос я бы ответил следующим образом. Написание диссертации можно рассматривать как уникальный шанс посмотреть с высоты птичьего полета на то, что сделано. Именно способность обозреть, суммировать проделанное отличает диссертанта от простого функционала-работника.

Грибовский А. В.: Скажите, пожалуйста, я так понял, что существует несколько, скажем так, целевых групп ваших потенциальных «клиентов» – чиновники, ректоры и т. д. Как дальше вы планируете расширение вашей деятельности? Увеличение количества целевых групп или более детальная проработка тех, с которыми вы уже работаете.

Ростовцев А. А.: Спасибо за вопрос. Реальная ситуация такова, что 90 % липовых диссертаций – это рядовые преподаватели ВУЗов. Их гораздо больше, чем чиновников, политиков, либо ректоров. Одна из задач, которая стоит перед нами, это проявление *ландшафта псевдонауки в России*. Можно представить себе, как распределена псевдонаука на карте страны. Есть тонкий слой, которым покрыто все пространство, но над этим тонким слоем возвышаются грандиозные Монбланы. Наша цель – прорисовка такой карты. Существует много простых

фальсификаторов, и мы их называем Васи Пупкины. Но они говорят о том, кто им помогал защищаться, где они защищались, какой конвейер работал на них. И они определяют искомый ландшафт.

Ильина И. Е.: Вы обозначили глобальные, серьезные проблемы, связанные с коррупцией при утверждении научных степеней. Хотелось уточнить пути, которые Вы предлагаете для преодоления этих проблем. Вы говорили об экспертном сообществе, в частности о его некомпетентности, исходя из того, что пересекаются интересы экспертов и людей, которые пишут недобросовестные диссертации. Какова Ваша точка зрения, как необходимо формировать экспертное сообщество? Может, необходим план, комплекс мероприятий для преодоления данной ситуации?

Ростовцев А. А.: Спасибо. Важный вопрос. И на него, к счастью, есть ответ. Но он комплексный. Простого ответа не существует. Есть техническая часть, которую надо реализовать в ближайшее время.

Первое, это запретить отправлять диссертации на повторное рассмотрение в тот же самый Совет, где они защищались. Сейчас практика такая, что ВАК отправляет жалобы в тот же самый Совет. А там занимаются защитой своего мундира. И пишут всякие невообразимые глупости. Получается борьба с ветряными мельницами. Простое решение, да?

Второе, отменить срок давности. Изобретать ничего не надо. Это практикуется в цивилизованных странах.

Следующее. Когда мы говорим об экспертном сообществе, мы говорим о *реальном* экспертном сообществе. Есть проекты, которые делались параллельно с Минобрнауки, такой проект как «Корпус экспертов». И там присутствовали реальные эксперты, которые болеют за дело.

Золотарев Д. В.: Известно, что многие студенты, обучающиеся в университетах, сами не пишут рефераты, а заказывают их, как диссертации. Чиновники, которые заказывают диссертации, наукой не занимаются, и диссертация им нужна для статуса. Нравственная сторона понятна: им доверять ничего нельзя и опасно. Что опасней для общества, для экономики в целом: такие липовые чиновники или липовые специалисты, которые с дипломом выходят из вузов, а в учебном процессе не участвовали?

Ростовцев А. А.: Самое опасное – это сам процесс. Тот факт, что это существует. Сложно сравнивать, что опаснее. И то и другое плохо, конечно. Это разрушает институт репутаций, мы уже говорили о проблеме репутации и аттестации. И то и другое пострадало очень сильно. И продолжает страдать.

Юревич А. В.: Спасибо за интересный доклад. Вопросов много, но я задам один. Вы употребляли разные понятия для обозначения того, чем занимаетесь. Псевдонаукой, липовыми диссертациями, фальсифицированными диссертациями. Правильно ли я Вас понял, что Вы имеете в виду только одно явление – так называемые проплаченные защиты «под ключ». Вы не занимаетесь такими вещами, как плагиат, фальсификация, в собственном смысле этого термина – подделка или придумывание несуществующих данных.

Ростовцев А. А.: В основном Вы правы. В основном, но есть пограничный слой, которого мы не можем не касаться. Действительно, тема плагиата, в изначальном смысле своем, не наша тема.

Нетребин Ю. Ю.: Вы обратили внимание на то, что обозначенную проблему можно решить за счет закрепления обязательности проверки на заимствование в соответствующем нормативно-правовом акте. И далее отметили, что это невозможно в связи с тем, что отдельные представители законодательной и исполнительной власти, могут не утвердить такой нормативно-правовой акт, потому что, в случае наличия недобросовестных заимствований в их собственных диссертационных работах, себя тем самым дискредитируют. С Вашей точки зрения, возможно ли реализовать обязательную проверку частично, т. е. не для всех соискателей и обладателей ученой степени? А именно: выделить ключевые группы, работы которых должны быть проверены. Например, такими ключевыми группами могут стать научные работники и профессорско-преподавательский состав вузов. И таким образом увеличить вероятность того, что обязательность проверки на заимствование была бы закреплена в соответствующем нормативно-правовом акте. В итоге, «уровень аттестации» научных и научно-педагогических работников стал бы выше, чем уровень остальных аттестуемых ВАКом групп.

Ростовцев А. А.: Это своеобразный взгляд на вещи. Спасибо за вопрос. И может быть ситуационно, тактически, возможно, это правильно, но стратегически, мне кажется, не должно быть исключений.

И что я не сказал, и что очень важно для понимания! В сообществе «Диссернет» считается, что если человек ошибся – написал фальсифицированную диссертацию, то мы даем ему шанс исправить положение. Часто проводим переговоры. Но если и после этого он настаивает на своей глупости, несет чушь, лишь бы чего-нибудь сказать, это и есть главный грех. И, к сожалению, общество наше так устроено, что существует высокий барьер, через который надо перейти, чтобы признать свои ошибки. Этот барьер очень высок, как оказалось. И единственный человек, о котором я говорил, Алексей Комиссаров, год назад действительно отказался от своей диссертации. И совсем недавно мы с ним встречались. Он покинул госслужбу и сказал, что это было самое сложное решение в его жизни. И он счастлив, что сообщество «Диссернет» вывело его на этот шаг. Он – успешный бизнесмен и очень благодарен за помощь в преодолении этого барьера. Многие пытались подняться на этот барьер – это видно, когда с ними разговариваешь. Но перевалить через него они не смогли – скатываются вниз и начинают нести чушь.

Островидова Е. Ю.: Скажите, пожалуйста, Вам не кажется, что ваша деятельность может, к сожалению, не столько способствовать искоренению этого явления, сколько сказаться на повышении качества заказных диссертаций и на повышении их цены?

Ростовцев А. А.: Ну да, этот процесс идет. В частности, во многих таких конторах предлагается новая услуга – антидиссернет. Но я подчеркиваю, что наша цель – это разбудить экспертное сообщество. Мы не можем бороться с ветряными мельницами: это очевидно.

Семёнов Е. В.: Коллеги, как то нужно остановиться по поводу вопросов. Попробуем высказать свою позицию.

Борисов В. В.: Существует такое понятие, как патриотизм профессии. Обычно ссылаются на моряков или летчиков. Есть патриоты профессии и среди тех, кто занимается наукой. И выражается этот патриотизм двумя словами – служение истине. Надо сказать, что мне повезло именно в сообществе таких патриотов науки просуществовать большую часть своей жизни.

Приведу лишь один пример из своего свидетельского капитала.

Мне довелось присутствовать на встрече студентов с нашим великолепным физиком И. Е. Таммом. Конечно, ему задали обычный в таких случаях вопрос: «Над чем Вы сейчас работаете?». Тамм на минуту задумался, посмотрел на всех рассеянным взглядом и сказал: «У меня была очень красивая идея, я работал над ней дни и ночи напролет. Но… она оказалась ошибочной». Все наперебой закричали: «Какая идея, расскажите». На что Тамм ответил: «А зачем рассказывать? Она ведь ошибочна». Иными словами: если идея ошибочна, никакая красота ее не спасет.

Вот это служение истине, ответственность за это служение – пожалуй, самое главное в науке.

Иногда по поводу «Диссернета» приходится слышать: «А чего такого? У нас кругом обман, все обманывают». Понимаете, когда в торговле существует принцип: не обманешь – не продашь, это одно дело. Если у них так принято – пусть делают, что хотят. Но наука от таких обманов должна быть свободна: служение истине обмана не терпит.

К сожалению, фальшивые диссертации – это не только пятно на репутации тех, кто в ВАКе заседает, они косвенным образом наносят вред репутации остальных, настоящих ученых.

Теперь насчет срока давности. Смысл срока давности по отношению к защищенным диссертациям состоит в том, что в связи с прогрессом науки требования к диссертациям постоянно растут. Если бы я сейчас стал защищать докторскую диссертацию, которую вполне мог бы защитить в 90-м году, я бы ее не защитил, так как требования повысились. А если бы я ее защитил тогда, саму эту степень никто бы и сейчас под сомнение не ставил. На это направлен срок давности. Устаревает состояние той науки, по которой люди защищаются.

А вот ложь остается ложью даже и через 100 лет. Ложь надо искоренять в любом случае. Нельзя потворствовать тому, чтобы фальшивые диссертации способствовали карьерному продвижению. Поэтому фальшивых степеней надо лишать независимо от срока давности, хотя какая-то процедура для этого, конечно, должна существовать.

И последнее. Еще в советские времена, когда я пытался разобраться с реформами в области экономики, я пробовал читать тогдашнюю «Экономическую газету». Там среди авторов статей были сплошь доктора, но это были абсолютно пустые статьи: лозунги с множеством ссылок на положения марксизма-ленинизма. Иными словами, в области экономики это было и раньше. Но я хочу обратить внимание, что если бы какой-то

человек захотел бы защищать фальшивую диссертацию по инфляции Вселенной, то его Андрей Линде или Алексей Старобинский немедленно вывели бы на чистую воду. Если бы у нас и в других областях науки были такие же лидеры, то и там фальшивых диссертаций было бы намного меньше.

Изосимов В. Ю.: Я тоже хотел бы сказать несколько слов об истине и репутации ученого. Меня интересует вопрос: это свойственно только нам или это все-таки мировая тенденция, а у нас просто масштабы проявления этой общей тенденции зашкаливают? В этом зале выступал Э. М. Мирский, и из его выступления я сделал вывод, что проблема заимствования является общемировой тенденцией и идет по нарастающей. Очевидно, мы не уникальны. Но, как я уже сказал, у нас масштаб заимствований и нечистоплотности превышает среднемировой уровень.

Второе, что я хотел сказать: не все, что нам видится заимствованием, является таковым по существу. Меня смущает какая-то презумпция виновности, заложенная в такого рода деятельности. Приведу пример. В прошлом году мы готовили текст одной из Федеральных программ. Когда отчет о нашей работе был отправлен заказчику, он отдал его на экспертизу, а эксперт написал, что мы заимствовали чужой текст, взяли готовый текст программы из интернета с сайта Минэкономразвития. Но дело в том, что это был написанный нами текст. Логика прохождения программы в Правительстве не совпадала с логикой выполнения работ по контракту, которые сильно отставали от реального процесса утверждения текста программы. И эксперт оценил отчет как имеющий большой процент заимствований. Я допускаю, что это крайний случай, но если ставится под сомнение честное имя хотя бы одного порядочного ученого, то, мне кажется, что какой-то оттенок аморальности в этой работе все же присутствует.

Егерев С. В.: Я хотел бы сказать, что до сегодняшнего дня считал сам факт существования «Диссернета» более важным, чем результаты, которые он получает. Я его рассматривал как хороший пример самоорганизующейся сети социального выживания. Сегодня – и у нас, и за рубежом – эти сети востребованы, потому что общество начинает находить решения того, каким образом во многих вопросах обходиться своими силами, без привлечения государства. Мы все чаще лечимся «мимо» государства, учимся «мимо» государства. И поэтому создание большего числа сетевых структур просто необходимо для нашего выживания. И тот факт, что в рамках «Диссернета» вдруг стали взаимодействовать без всякой указки сверху столько мотивированных энтузиастов, сам по себе значителен. Он дает пример для строительства других сетевых структур, по другим проблемам.

Однако, мне казалось, что попытки улучшить нашу научную деятельность с помощью этого инструмента малоэффектины. Другое дело – навести страх на чиновников. В 90-е годы, как мы с Вами помним, приходилось при организации компромата для решения кадровых вопросов ставить видеокамеры в банях, а сейчас ситуация гораздо проще. Вот – список чиновников, вот – список их скомпрометированных диссертаций.

В нужный момент руководство использует данные «Диссернета» для того, чтобы заменить кого-то из чиновников. Ну что же, полезное дело. Какая-никакая ротация чиновничьих кадров.

Что касается второго вопроса (а может ли «Диссернет» изменить ситуацию в науке?), то у меня был определенный скепсис. Он основывался на том, что «Диссернет» исходит из той модели, что докторская диссертация – это та же самая курсовая студенческая работа, только по объему больше. Аналогии тут видят многие. В соответствии с этой моделью, «нечестная» докторская диссертация готовится так же, как и халтурная курсовая, а именно, следующим образом. Диссертант утром позавтракал, заполнил титульный лист, затем написал оглавление, введение, к обеду он одолел первую главу и т. д. Все это время он пользуется интернетом, откуда скачивает чужие мысли и слова. Именно так нерадивые студенты себя и ведут. После чего преподаватель, вооружившись программой «Антиплагиат», выявляет заимствования и стыдит студента. Но ведь докторские так не пишутся. Основываюсь на многолетнем опыте своей работы в диссертационных советах, на многолетнем опыте рецензирования и оппонирования. Нормальная диссертация готовится на основе ранее опубликованных и признанных работ – статей и монографий. Диссертационные советы скрупулезно разбираются, на каком базисе написана будущая докторская. Немалую роль играет и репутация диссертанта в научном сообществе.

Да, фальсификации в науке есть, приемы их хорошо известны. И хорошо известно, что основная доля фальсификаций в большой науке сосредоточена как раз на уровне подготовки публикаций – статей и монографий. Есть и другие приемы. Допустим, если некомпетентному директору НИИ хочется защитить диссертацию, то его подчиненные готовят ее без всякого плагиата, на оригинальном материале. Хорошее прибежище для недобросовестных начальников – диссертации с дутой секретностью. Они также вне зоны доступности «Диссернета». Все это было и в советские времена. Это было неизбежное зло, и «герои» этих деяний расплачивались за них низкой репутацией в научном сообществе. Это есть и сейчас, и «Диссернет» тут вряд ли поможет.

Однако из сегодняшнего доклада я почерпнул еще один важный аспект деятельности «Диссернета». Участникам проекта удалось собрать уникальные данные о состоянии нашего исследовательского корпуса. Например, прозвучало, что основная доля «нечестных» диссертаций производится работниками вузов. На мой взгляд, это еще одно подтверждение того, что вузовская сфера России, не имеющая соответствующего исследовательского потенциала, неправомерно перегружена научными программами. Попытка перенести большую часть научной деятельности в России в вузовский сектор приводит к тому, что вузы не справляются с проектами, отчитываются халтурными статьями и генерируют диссертации, насыщенные плагиатом.

Из доклада совершенно ясно следует, что роль «Диссернета» в «тонком профилировании» проблем российской науки представляется очень перспективной.

Юревич А. В.: Прежде всего, хочу сказать о том, что «фальсификация» – термин, который очень активно используется в науковедении и, к сожалению, он уже «занят» несколько другими вещами. Те, кто застал наше науковедение 1980-х годов, может быть, помнят, что выходил сборник «РЖ – науковедение», и там одной из самых популярных была тема фальсификации и мошенничества в науке. И в те же годы на русском языке вышла книга А. Кона «Мошенничество в науке и медицине». И там описаны различные случаи фальсификации. Даже приводится классификация видов фальсификаций. Основные виды – такие, как придумывание данных, «стряпня», «улучшение» в желаемом направлении, подделка данных. Там описывались опросы, проведенные журналом «New scientist», которые показали, что бóльшая часть ученых как минимум «улучшают» получаемые данные. Это массовая практика в науке, причем этим не брезгуют самые известные представители научного сообщества, а в списках, которые приводятся в этой книге, ряды фальсификаторов начинаются с таких имен как Ньютон, Кеплер, Галилей, Мендель и т. д. Это – характерная для науки практика, кстати, не всегда приносящая отрицательный результат, как в случае с Менделем.

В данном случае имеется в виду совсем другое – так называемые проплаченные защиты «под ключ». И действительно с некоторых пор у нас это – достаточно массовое явление. В газетах журналистами приводятся данные, хотя я лично не очень в них верю, что у нас примерно 30 % диссертаций носят такой проплаченный характер. Может, цифры завышены, но ясно, что практика действительно массовая. Наш интернет пестрит объявлениями типа «защита под ключ», «дружественный Ученый совет примет к защите». Поражает не только ассортимент предлагаемых услуг: предлагают написать не только диссертации, монографии, статьи – все что угодно. Поражает и своего рода «честность» авторов таких сайтов. Предлагаются услуги: диплом доктора наук – бланк подлинный, подпись подлинная; бланк подлинный, подпись поддельная; бланк поддельный, подпись подлинная. Все отражается в прейскурантах и человек в зависимости от своих финансовых возможностей может выбрать разные варианты. Может купить все подлинное или все поддельное, может купить некий гибрид подлинного и поддельного.

В законодательстве здесь дыра. Если я хочу, чтобы мне кто-то написал диссертацию за деньги, я заключаю договор об оказании консультативных услуг. И эта ситуация абсолютно непробиваема юридически: я оплачиваю консультативные услуги, которые я имею право купить. Это примерно то же самое, что научный руководитель с расширенными полномочиями и за деньги. Но к чему это приводит? Может быть, я выступлю в роли адвоката дьявола, когда скажу, что на оборот научной продукции это существенно не влияет, потому, что происходит фальсификация не нужного для науки продукта. На мой взгляд, подготовка диссертации – это взаимная потеря времени аспирантом и его научным руководителем, которое выпадает из нормального научного процесса и увенчивается продуктом, который поступает на «кладбище диссертаций». Никто с этими диссертациями не знакомится, кроме

нескольких человек, которые пишут диссертации по этой тематике и, возможно, спишут, и научного руководителя, который не всегда читает саму диссертацию. Это фальсификация не очень нужного для науки продукта. Если там есть что-то дельное, то какая разница, кто это дельное породил: сам Иванов или Петров, который написал эту диссертацию Иванову за деньги. Норма коммунизма, сформулированная Мертоном, как раз предполагает, что большой разницы в этом нет, важно, что был создан продукт. Если получается ерунда, то она изымается из оборота, а если стоящее, то не важно, кто это породил.

Но здесь был акцентирован важный аспект вреда, который наносит эта практика. Это фальсификация не только продукта, самой диссертации, а фальсификация *статуса*. К человеку приходят как к доктору медицинских наук на прием, а на самом деле он ничего в медицине не понимает и может перепутать ногу и руку. Это действительно существенная вещь. И это следствие недостаточной демократичности нашего общества, несформированности демократических институтов. Здесь прозвучало, что в советское время этого не было. Если и было, то носило характер единичных случаев, в массовой практике такого не было. Когда система ответственности носит достаточно жесткий характер, что характерно для тоталитарного общества, такое невозможно. Дело в том, что мы попали в некий зазор. Авторитарная система ответственности, характерная для советских времен, была разрушена, а гражданское общество, которое взяло бы на себя эту функцию, просто не сформировалось.

И последнее, что касается апелляции к экспертному сообществу. Помоему, здесь нужно формулировать задачу шире. Не просто к экспертному сообществу, а к научному сообществу вообще. Идеальный вариант – это когда купившего диссертацию «поймали за руку», отовсюду выгоняют и руки ему не подают. Уволить с работы – это слишком, но его можно выгнать из редколлегии журналов, престижных органов, не вводить в оргкомитеты конференций, т. е. подвергнуть гражданскому остракизму. Но здесь существует методическая опасность, связанная с несовершенством механизма выявления подобных случаев, с программой проверки на плагиат.

Ростовцев А. А.: Нет, программа указывает на источники, дальше все поступает к эксперту. Далее все делается глазами и руками.

Юревич А. В.: Это практика, которая существует в диссертационных советах ВАК. Если программа выявляет, что заимствованного текста больше 70–80 %, то это не приговор, это индикатор того, что что-то может быть не так с диссертацией, и в этом случае ее дают экспертам на оценку. Если будет чрезмерное увлечение программами на плагиат, то попадаться будут буквально все. Хотя бы за счет того, что пока не разводятся понятия – «плагиат» и «автоплагиат», когда человек заимствует у самого себя.

Ростовцев А. А.: Разводятся. У нас есть понятие «обратный плагиат». Мы, конечно, проводим такие проверки.

Юревич А. В.: Тогда это замечание снимаю. Но, по крайней мере, возможны сложные случаи, которые не допускают, чтобы оценка произ-

водилась на одной основе. Эксперты включаются, но возникает вопрос, кто эксперты и т. д. Но если есть механизм контролирования со стороны экспертного сообщества, тогда все вроде бы нормально. Спасибо.

Семёнов Е. В.: Спасибо, Андрей Владиславович. Поразительная тема, явно она всех задела, и материал очень богатый, и причин для размышлений много.

Чеченкина Т. В.: Я очень внимательно слежу за деятельностью «Диссернета». Мы с коллегами оказывали организационную поддержку работе комиссии Федюкина, о которой Вы упоминали: рассылали запросы в журналы, в ведущие организации, в РГБ – на проведение экспертизы, и на основе полученных ответов готовили материалы для работы членов комиссии. Впоследствии мы также принимали участие в обеспечении деятельности рабочих групп, которые были призваны сформировать такие критерии к составу экспертных советов ВАК, которые препятствовали бы попаданию в эту структуру недостойных членов. Мы потратили на это полгода. И с сожалением наблюдаем, что критерии не сработали: 60 % членов советов по экономическим и правовым наукам – участники все тех же сетей.

Я хотела бы, как и Владимир Юрьевич Изосимов, возразить по поводу причин этого явления. Я полностью согласна с мнением по поводу негативного влияния вертикали, но хочу Вашими же словами (поскольку внимательно читала Ваши материалы) обосновать, что это не единственная причина. У нас разные системы с Германией, но в Германии борьба с плагиатом тоже начиналась с политического контекста. Известно, что Мартин Хайдингсфельдер, один из учредителей немецкого прототипа «Диссернета», является членом Социал-демократической партии Германии. А первым, кто пострадал от его деятельности, была дочь видного представителя ХСС, партии Ангелы Меркель, Э. Штойбе – Вероника Зас (по имени которой и был назван интернет ресурс по проверке качества диссертаций VroniPlug). Лишилась поста в Европарламенте представительница Свободной демократической партии С. Кох-Мерин, и это не единичные примеры. Очевидно, здесь был политический момент. Потом в Германии вышли на передний план разоблачения в области медицинских, в частности, стоматологических, наук. И у нас, насколько я понимаю, «проблемная область» – тоже, в основном, стоматология.

При этом мне хотелось бы поддержать Ваш тезис о роли научного сообщества: в Германии отставки пошли благодаря тому, что письмо за подписью 3 000 человек было отправлено в Правительство, чтобы дать ход этому делу и довести процесс до конца.

Ильина И. Е.: Ваша работа имеет фундаментальный характер. Однако за январь и февраль 2014 года из 30 докторских диссертаций по экономическим наукам, рассмотренным экспертным советом ВАК, утверждено только 10. С одной стороны экспертное сообщество ужесточило требования с целью выявления некачественных диссертаций, с другой – есть риск отклонить диссертацию не соответствующую «эталону» по косвенным признакам. Мне довелось видеть людей потративших годы на научные исследования и получивших отрицательный ответ

экспертной комиссии ВАК. Складывается такое впечатление, что лес рубят, щепки летят. Мы пытаемся выстраивать эффективную систему подтверждения научных работ, но в результате страдают люди, которые не заслуживают этого, и это тоже нужно учитывать. Спасибо.

Биткина И. В.: Мне хотелось бы сказать о следующем. Ученая степень стала дополнительным способом выделиться на фоне малограмотных дипломированных специалистов в условиях, когда обладателем диплома о высшем образовании может стать любой человек, даже тот, кто школу смог закончить с большими сложностями. Отсюда и многие проблемы. В большинстве случаев современные специалисты с высшим образованием не дотягивают до уровня тех, кто в свое время заканчивал профтехучилища.

Сфера защиты диссертаций, став прибыльным бизнесом, перестала вызывать должное уважение, но не стоит копаться в том, что уже прошло, а лучше смотреть в будущее и думать о том, как все можно изменить. Спасибо.

Гришакина Е. Г.: Спасибо за Вашу работу. Следует заметить, что она осуществляется постфактум: диссертация написана, степень присуждена. И цель вашей деятельности – разоблачение фальсифицированных работ. Получается, что мы «лечим болезнь, а не ее причину». А какие мероприятия следует проводить для того, чтобы предотвратить фальсификации, не допустить их? Необходимо создать условия, чтобы ученым стало стыдно допускать в своих работах плагиат. Я понимаю, что Ваша цель – разбудить экспертное и научное сообщество. Это первый шаг. А, возможно, следующий шаг будет как раз в разработке комплекса мероприятий, направленных на изменение подхода к написанию и публикации научных работ, основываясь на личной ответственности ученых за их содержание. Спасибо.

Семёнов Е. В.: У нас почти два часа работы. Последнее выступление и будем подводить итоги.

Соколов Д. С.: Меня поразил Ваш доклад. Особенно печально, что подобная негативная ситуация сложилась в экономических науках. Действительно, попадается очень много слабых учебников и статей по экономике, хотя для страны наличие хороших специалистов в области экономики и экономического анализа очень важно. У меня возникло общее впечатление безысходности. На мой взгляд, наверняка существуют здоровые научные организации и вузы, где осуществляется контроль за процессом подготовки и защиты диссертаций. Возможно, стоит не только описывать сложившуюся ситуацию, но и исследовать положительные примеры в нашей стране в плане контроля над качеством диссертаций, научных исследований. Те же самые чиновники, как это ни банально, выходцы из общества. Они не приехали к нам из других стран, они впитали в себя культивирующиеся в обществе ценности. Проблемы накапливаются в обществе скорее «снизу вверх». Надо исследовать механизмы возникновения такого недобросовестного отношения, начиная еще с процесса подготовки аспирантов, а, возможно, и еще раньше, чтобы можно было давать рекомендации: как начинающим исследователям

не попасть в такую ловушку, на какие качественные учебники и практики им нужно ориентироваться. Тогда будет понятно, почему отдельные научные организации и исследователи находят в себе силы все-таки действовать добросовестно, и как им это удается. Такие организации будут «точками роста», и их опыт должен быть описан. Тогда под влиянием Вашей деятельности будут происходить изменения к лучшему. Согласен также с замечанием А. В. Грибовского о том, что стоит расширять ракурс рассматриваемых проблем, проверять диссертации не только чиновников и общественных деятелей. Например, целесообразно взять широкий срез крупных экономических или юридических вузов и проверить ситуацию с качеством диссертаций преподавательского состава и аспирантов.

Ушакова С. Е.: Не с аспирантов надо начинать, а, наверное, со школы, с первого класса. Внедрять в сознание наших детей, что списывать – не хорошо. Где-то система воспитания явно сбоит. Нравственность общества в целом надо поднимать. Вопрос плагиата – это вопрос, в большой мере, относящийся к вопросам морали и нравственности, и решать его надо, начиная с правильного воспитания детей.

Семёнов Е. В.: Слово для заключения Андрею Африкановичу.

Ростовцев А. А.: Спасибо вам огромное. Я получил большое удовольствие, выступая здесь, получая вопросы и отвечая на них, на сколько я смог. Да, требуется осмысление. Пишется уже диссертация по теме «Диссернета». Получен грант. У «Диссернета» есть собственный биограф, женщина, которая пишет, что, когда происходило и как, т. е. формируется некая атмосфера вокруг этого всего. К сожалению, работая с сотрудниками Левада-центра выяснилось, что пока социологи не могут построить модели того, что происходит. А это было бы не только очень интересно, но и весьма полезно. Разложить все по полочкам пока не получается. Но, может быть с вашей помощью… Спасибо огромное.